

Е. Ю. Пономарев

Приключения вечных друзей

повесть

Евгений Пономарев

Приключения вечных друзей

«Издательские решения»

Пономарев Е. Ю.

Приключения вечных друзей / Е. Ю. Пономарев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747406-5

Эта повесть задумана как своего рода лекарство для людей, которые испытывают сомнения в смысле своей жизни, затрудняются в выборе собственного пути, пребывают в нерешительности. Автор персонифицировал вечных спутников человеческого бытия: Совесть, Смерть и Смысл, — чтобы читатель смог рельефнее, отчетливее увидеть подлинное значение каждого из персонажей в своей жизни. Надеемся, что эта книга поможет обрести осознанность и найти ответы на вечные вопросы.

ISBN 978-5-44-747406-5

© Пономарев Е. Ю.
© Издательские решения

Приключения вечных друзей

повесть

Евгений Юрьевич Пономарев

© Евгений Юрьевич Пономарев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

– Здравствуйте, коллеги, – Смерть задумчиво хрустнула костяшками пальцев, зажмурившись от яркого солнца, плотнее закуталась в саван с голограммами.

– Привет, вечная труженица, – попытался иронизировать Смысл, но в контрасте с черной одеждой смерти шутка повисла в воздухе и растворилась. – Хотя коллегами нас, Смерть, можно назвать с большой натяжкой.

– Ну, это как посмотреть, – прослушав ответ на свое приветствие от Совести, ответила Смерть. – Я часто слушаю разговоры людей, молву, так сказать. Так вы не поверите! Многие из них на полном серьезе говорят друг другу, что нас, всех троих, нет и никогда не было. Что мы вообще выдуманы и не существуем! Ну, не смешно ли?

– Редко вас вижу, или вы меня, – тихим голосом проговорила Совесть. На фоне дневного света она выглядела особенно прозрачно и воздушно.

– Какие впечатления от людей? – с любопытно-внимательным взглядом спросил Смысл.

– Знаете, давно не работала в таком изнуряющем темпе. Мне хоть руководство иногда даже за сверхурочные и удваивает зарплату, ибо кручусь я как белка в колесе, а входящие все равно не успеваю оформлять. А исходящих у нас отродясь не было, – сказала Смерть и поправила косу на плече. – Вторая коса за месяц и уже никакая. Любят люди друг друга очень. И в этой сардонической любви последнее время друг друга пытаются превзойти, все новые гаджеты для себя изобретают, чтобы мне работы прибавить. У меня уже много миллионов накопилось, даже оформлять иногда не успеваю. А на самоубийц и алкоголиков иногда приходится одну ведомость на троих открывать.

– Да, картина далека от оптимистичной. Я в прошлом году такого от тебя, Смерть, не слышал, – сказал Смысл.

– Ты много чего еще не слышал, – облокотившись мягкий подлокотник, сказала Смерть. – Сейчас они массово себя пытаются убедить, что меня можно отодвинуть.

– В смысле? – спросил Смысл, представляя, как люди домкратом и палками пытаются отодвинуть смерть от самих себя, и ухмыльнулся такой гротескной нелепости.

– А ты оригинал, как вопросы ставить, – сказала Смерть. – Давно не виделись, а ты все такой же. По моим наблюдениям, некоторые люди испуганно стали верить в разные полу магические способы-махинации с геномом, криотехнологии. Это я еще про кришнаитов не рассказывала. В общем, они как всегда пытаются меня обхитрить как выпускницу педучилища. Ты же помнишь, как закончил товарищ, пытавшийся себе компоненты обезьяны пришить. И это не считая целой грозды алхимиков, их послушать – неделю смеяться будешь. А разработчика генома я знаю, он кодирует так, что посмотришь, сразу видно: уровень-Бог. В общем, они с назойливостью выпускника школы лезут под юбку...

– Под юбку к кому? – не понял Смысл.

– Ой, я оговорила. Лезут в геном и чуть ли не паяльником пытаются его перепрошить. Я им намекала, чтобы с процессорами и сетями баловались, а в серьезные разработки не лезли, так они не слушают. Как сектанты в лабораториях сидят, и обещания в мир таких же как они транслируют. Но ты же меня, Смысл, знаешь-хоть я проста со своей косой как табуретка, но от меня еще ни одна душа живая не скрылась, я фанат принципа просто-значит эффек-

тивно. А эти, пусть покорпят пока над своими игрушками, раз ты в полный голос, Смысл, никак не проявишься для них. Хоть бы тогда чем то стоящим занялись.

– Ты же знаешь, Смерть, я не кричу, я шепчу, и то едва-едва. Чтобы меня слышать, надо убавить звуки радио, интернета, телевизоров, приглушить крики друг друга, и просто смотреть и слушать, как это делает человек, гуляющий по лесу в поисках шепота листьев, – задумчиво сказал Смысл

– Ох, уж эти твои поэтические образы, – Смерть скорчила гримасу, от которой случайно проходивший мимо медведь врезался в сосну и упал, – умеешь ты так запаковать себя, что из под ста оберток и то не достанешь. Вон еще одна печальница-молчальница сидит. Смерть пренебрежительно показала костлявым пальцем в сторону Совести.

– Ты вообще есть, Совесть, или тебя нет и никогда не было? Ты прямо как угарный газ, пока совсем плохо не станет-не заметишь!

– Скорее как криптон, – вздохнула Совесть и зябко повела плечами, – я дама хоть и в большом количестве представлена, но по миру меня распределено ровно столько, сколько надо, то есть достаточно. Вон, люди золото научились извлекать, редкоземельные металлы из недр достают как карты из колоды, а меня все толком и не научились различать. А я субстанция мало того что не избыточно представленная, так еще и в котировках людских бирж нигде не упоминаюсь: кто из сильных их мира будет на меня внимания обращать. У них, людей, еще будет уйма золотых лихорадок на веку, но лихорадки с высокими котировками на совесть никак не предвидится. Да и как они ее распознают: их лекари скажут-это у вас, любезный, вегето-сосудистая дистония. Выдадут больничный, флакон пустырника и гантели для физкультуры. Еще у людских докторов есть много экспресс- тест полосок на всякие субстанции, но до полоски для выявления совести все никак не додумаются: ну- ка, проверим вашу совесть, милейший. А полоска как белой была, так белой и осталась. В чем я со Смыслом солидарна: и меня слышно лишь в полном радиомолчании. А люди слушают только себя, кичатся, как павлины друг перед другом, слушают звон монет и хруст купюр, жужжание ноутбуков и забывают о тебе, Смерть. А когда ты приходишь, они и сделать то ничего не успевают. Я только попытаюсь проявиться, раз-а уже и не актуально. А зверям и птицам я не нужна, да я и общаться с ними не умею. Вон, на медведя этого посмотри: ему бы до берлоги добраться, не до совести тут.

Медведь держался лапой за большую шишку и, кряхтя, вперевалку топал в сторону кромки леса.

– Да, ситуация совершенно не соответствует плановой, – сказала Смерть, положив ногу на ногу, – вместо того чтобы, видя меня, искать тебя, Смысл, люди жалуются на то, что их замучила Совесть, пьют горькую, едят разные неправильные порошки и никак не хотят обратить душу в мою сторону.

– Я никого еще на своем тысячелетии не замучила, – повысив голос, звонко сказала Совесть. – Так, царапаю иногда, а остальное люди сами довершают.

– Ладно, коллеги, – решительно хлопнул себя по коленям Смысл и встал, поправив на шее фиолетовую с отливом бабочку, – так как наше обсуждение затягивается, а у меня еще отчетность не сдана в небесной канцелярии, предлагаю провести полевой эксперимент, так сказать. Находим незадачливого горожанина. Потом ты, Смерть, резко выглядываешь из-за угла. Я в это время буду стоять поодаль, скажем, справа. А ты, Совесть расположишься с левой стороны. Возражения?

Расценив молчание собеседников как согласие, Смысл направился в город.

После недолгих поисков, троица выбрала для своего импровизированного эксперимента представительного джентльмена- сотрудника надзора за соблюдением законности, который размеренным шагом двигался в сторону летнего кафе с букетом лилий.

– Давай, твоя очередь, – Смысл легонько толкнул Смерть под локоть, побуждая действовать. А сам метнулся, как было договорено в правую сторону, Совесть настороженно замерла слева.

Смерть со скоростью гоночного болида выскочила из-за угла и в дико феерическом танце завертелась перед опешившим юношей. Он издал вопль, от которого порозовели даже кончики его начищенных до блеска ботинок, со скоростью рядового Райана отбросил букет в сторону и помчался наутек, истошно голося и дико вращая глазами.

Едва успевая и подбирая длинное платье, за незнакомцем на небольшом расстоянии бежала Совесть.

Смысл сделал шаг вперед, рассчитывая пересечь траекторию бега чиновника-спринтера, но тот, уворачиваясь от встречного авто, промчался мимо и скрылся в питейном заведении с ярко светящейся неоновой вывеской «Vice and Lust».

Бежавший за гражданином Смысл, не успев затормозить, плашмя ударился о дверь рюмочной, едва не снеся ее. Потирая ушибленный бок и бормоча себе под нос непечатные выражения на латыни, он встал на ноги и оглядывался.

Спустя пару минут подошла Смерть.

– Ишь ты, как быстро бегаешь, проказник! Даром что я уже не одну сотню лет ежедневно кроссы бегаю, а таких как этот и догнать сразу не успеваю.

– Да что тут ты, – досадно сказал Смысл, – Он даже на меня не оглянулся, когда ты возникла. Просто ломанулся, куда глаза глядят и ищи ветра в поле. А Совесть до сих пор за пару кварталов отсюда такси ловит: дама она немолодая, платье у нее длинное, а нрав робкий.

– Ладно, – сказала Смерть, недовольно осклабившись, – времени у меня сегодня на эту душу больше нет, зато есть страждущие, которые меня заждались. Отклоняться от графика, ты знаешь, не в моих правилах!. Давай, идеи будут- наберешь!

Бесшумно мерцая, Смерть растворилась в воздухе, пропитанном ароматом лаванды и нотками городского смога.

– Договорились, – очнувшись от задумчивости, пробормотал Смысл, – я пока побуду здесь, может этот резвый горожанин хоть посмотрит в мою сторону.

Едва уловимое хихиканье, похожее на голос летучей мыши, было ему ответом.

Прошло несколько беспокойных, деловитых месяцев. Каждый из участников нашего повествования провел большую работу. Наибольший урожай переспелых, зрелых и даже не начавших цветение жизней, как всегда, достался Смерти. Совесть, неутомимо и с настойчивостью пчелы метаясь по континентам и странам, совсем затупила кончик своего зонтика, стала словно тень самой себя в былые годы. Лишь вечно неунывающий Смысл сохранил аппетит, здоровый цвет лица, похожий на налитое яблоко и хладнокровие, которому бы позавидовал сам Вито Карлеоне.

Смысл проживал в труднодоступной лесной местности, как говорил местный лесник, только куница знала точную дорогу к его дому, да местная служба Контроля скорости, поскольку Смысл был фанатом быстрой езды еще со школы.

В одну из ледяных ночей, когда даже ночной месяц отливал синевой и серебром, в кабинете Смысла раздался пронзительный телефонный звонок. Хозяин дома, закутанный в длинную, безразмерную тунику с подкладкой из бобрового меха, степенно поставил на резной столик бокал и взял трубку.

– Смысл на проводе! Кто звонит в столь поздний час?

– Кто, кто! Та самая, от звонка которой только ты не хватаешься за нитроглицерин и визитку нотариуса, – громогласно сказала Смерть и даже стала казаться выше себя самой от осознания собственного могущества. Ее самолюбие приятно щекотал факт того, что люди страшатся встречи с ней больше, чем со сборщиком налоговых податей.

– А, опять ты. Так давно с тобой не разговаривали, а юмор у тебя все тот же. Действительно, я, Смысл, один из немногих, кто может здороваться с тобой без последствий столько, сколько нужно, -сказал Смысл, -знаешь, Смерть, я из уважения к тебе конечно трубку бросать не намерен, но ты все-таки хоть намеки-зачем звонишь мне в столь поздний час и лишаешь меня порции заслуженных сновидений!

– Так я тебе и без намеков скажу, -Голос Смерти в телефонной трубке стал отчетливее и приобрел стальной оттенок. Я в процессе своего ежегодного общемирового турне обратила внимание на весьма тревожащий факт, Смысл, -Смерть сделала затянувшуюся паузу, словно собираясь с мыслями.

– Да, да, я тебя слушаю, – нетерпеливо сказал Смысл, -продолжай!

– Видишь ли, Смысл, я заметила, что люди совсем тебя не ищут, вот что, -сказала Смерть и от телефонной трубки словно повеяло горечью, -они практически полностью отдались на откуп всяким шарлатанам, продавцам надежд и торговцам верой. Знаешь, есть у людей такая марка бигуди, которая стала нарицательной из-за навязчивости продавцов, ее представляющих. Они приходят к тебе в дом и предлагают эти бигуди испытать. Ну а кто из людей откажется испытать блестящие сверхскоростные бигуди? Ты слушаешь?

Продолжай же!, – нетерпеливо воскликнул Смысл.

– И подобно этим продавцам бигуди, не щадя своих сил, людям денно и ночно пытаются продать, даже подарить твои искусственные статуэтки. Это эдакие пародийные скульптурки, которые лишь твоя тень, Смысл. Люди считают, что эти жалкие тряпичные куклы, набитые соблазном и опилками, и есть ты! Особенно они поклоняются идолу в виде быка из папье-маше, покрытого дешевой позолотой. Еще весьма популярна такая странная статуя, которую они называют богиня Карьера. У нее вместо щита красная канцелярская папка с буквой N и вульгарные зеленые туфли на длинном каблуке. Видное место в сонме этих картонных кукол занимает жрец Имидж, завернутый в блестящую позолоченную бумагу. Его лицо, искаженное растянутой до ушей улыбкой в 32 зуба, украшают аляповатые очки размером в пол головы с дешевыми пластмассовыми стразами.

Также большим почетом пользуется жрица, которую они называют Популярность, она черного цвета и обладает длинным раздвоенным языком, которым, как они уверены, доносит правду до всякого жаждущего ее услышать. Есть еще странный брусок из гладкого закаленного куска кремния, довольно тонкого на вид, но в тоже время не столь прозрачного, как кусок слюды. И люди с видом бывалых живописцев водят по нему пальцем, прикладывают к уху как морскую раковину и показывают друг другу. Есть еще большие куски похожего материала, они затаскивают их в дома и там напротив них сидят, иногда даже целыми семьями. Причем часто сидят с таким видом, как разгоряченные зрители на трибуне во время гладиаторского поединка. Ты же помнишь те непростые времена, Смысл?, -сказала Смерть и выпила глоток родниковой воды.

– Да, я помню те времена, Смерть, – сказал Смысл.

– Тогда еще этот, как его... Юлий Цезарь тебя, Смерть, очень смешил, убеждая свою льстивую и надменную челядь, что они всем скопом простудятся на его похоронах. А потом Брут убеждал всех о том же самом. А как истории эти кончились, не мне тебе напоминать.

– Да, со вздохом сказала Смерть, -у меня таких историй миллиарды. И каждый как маленькая самодовольная цапля доказывает окружающим, что с ним то будет по другому, что он же особенный. Особеннее самых особенных. А если не доказывают это окружающим, то молча прокручивают в голове раз за разом. Что суть одно и тоже, только менее заметно.

– Знаешь, я все больше замечаю, что люди ведут себя подобно несмышленным малышам в довольно тесной и утлой песочнице. Они раскачивают ее, дерутся из-за позолоченных совочков, отбирают приглянувшееся ведро и сообща нападают друг на друга. А потом, всласть

накричавшись, потирают ушибленные бока, иступленно хнычут, визжат, и расползаются каждый в свой угол. А потом замечают с удивлением и страхом, что песок то весь и высыпался. Они так сильно махали и толкали друг друга, пытаясь урвать куски добычи, что весь песок разметался по всем сторонам света и его теперь ни пинты не осталось. А имя тому песку-время! -с запалом сказал Смысл, -оно то и высыпается отовсюду, где ему положено быть. А они и не замечают этого, продолжать копошиться в этом драгоценном песке, даже не замечая его.

– Да, Смерть, твои слова похожи издали на правду, но, возможно, все не так печально, ведь люди продолжают жить, плодятся, вкушать бесчисленные земные блага. Да, у них есть и идолы, как они бы и в те времена, когда ты носила более узкое в талии платье. Возможно, людям надо познать идола, чтобы, отвергнув его, принять правду? Ты же знаешь, Смерть эту избитую историю, когда путник стал ценить каждую каплю воды, ловить ее губами, когда она не успевала долететь до земли, но только после того, как жар дня и холод ночи в пустыне едва не выбили из него дух? -азартно воскликнул Смысл.

– Припоминаю эту историю. Слушай, ведь это лишь маленькая, малюсенькая частность, ничтожный по размерам статистический случай. Да, тот парень стал ценить воду, только познав жажду. А тысячи других, будучи в такой же ситуации, задушили бы первого встречного даже с наперстком живительной воды. Они, видимо, все такие. Во всяком случае, большинство. И знаешь, мне это в принципе, без разницы. Я работаю как часы уже тысячи лет и эти частности ни скорость, ни неумолимость моей работы не изменят. Я выполняю приказы, а они не обсуждаются, как известно. Ты тут упомянул про воду, которую страдающие от жажды боготворят, и я вспомнила еще одного идола, которого люди ставят рядом с фигурой позолоченного картонного быка. Вид этого идола даже меня рассмешил-ты представь себе бочку... просто бочку. Это же какой то гротеск, замешанный на абсурде!

– Я слышал, что имя этого идола Баррель, -сказал Смысл, -они наполняют его нутро черной маслянистой жидкостью, целые страны, народы поклоняются ей, что на Севере, что на Востоке, во всех городах и весях. Тысячи специальных людей ведут денно и нощно торг этим товаром, цена на который иногда напоминает конвульсии умирающего.

– Да, когда эта цена особенно резко снижается, мне приходится работать по внеурочному графику, -на другом конце провода Смысл услышал недовольную интонацию.

– Скажи, Смерть, а встречались ли тебе люди, которых ты не хотела забирать? Я имею в виду, представь, получила ты приказ, направляешься его исполнить и вдруг внутри у тебя что то екает, словно рано еще эту душу забирать? -с любопытством спросил Смысл

– Да, таких большинство, пожалуй. Они как не успевающие налиться соками земли колосья пшеницы, хотя есть и такие, время которых пришло, их амбары прошлого наполнены под завязку, зерно обмолочено и собрано, дела мудры и созвучны музыке высших сфер. Их дела и мысли вплетены в ткань бытия, словно бережно подогнанные одна к другой нити роскошного персидского ковра, узор их поступков я читаю с изумлением, и признаюсь тебе, словно с легким оттенком доброй зависти, -скороговоркой выпалила Смерть и опять задумалась

– Да, кстати, я помню одного подобного человека, -вздыхнул Смысл, -он жил, насколько я помню, в Австрии, в городе Вена. Я практически держал за руку его в последние годы, хотя и в зените жизни тоже не покидал. Мы виделись с ним практически ежедневно.

– Да, я поняла, о ком ты говоришь, Смысл, -в голосе Смерти ощущался соленый оттенок, -жаль, что мы часто не различаем людей по фамилии.

– Как ни грустно мне признавать, Смерть, в целом твои слова добавили мне весьма большую порцию скепсиса в отношении людей. Но я буквально таки отказываюсь в это верить, -в голосе Смысла вновь зазвучали азартные ноты.

– Послушай, Смысл, -сказала напористо Смерть, -не в моих правилах кого бы то ни было уговаривать. Если ты сомневаешься в моих словах, считаешь меня, старательную труженицу, источником дезинформации и разночтений, то возьми и соверши турне по миру. Анонимно,

как ты любишь. Так, чтобы ни одна живая душа тебя бы не распознала. Визы тебе, насколько помню, не нужны, скарб у тебя раз-два и обчелся. Поэтому с путешествием накладок возникнуть не должно. Единственное, -голос Смерти приобрел отчетливо ироничный оттенок, трубка телефона словно передавала отблеск ее улыбки, -одевайся тепло и не забудь противопыльные очки, если надумаешь появиться в пустынной местности, там есть беспощадные песчаные бури. А где бурь нет, там летает целый рой свинцовых пчел, которые жалят лишь однажды. Хотя я на тебя все равно не действую, ты бы для безопасности взял бы бронежилет пятого класса и разгрузку-будешь там шоколадки свои хранить, – Смерть закончила последнюю фразу с интонацией бабушки, собирающей внука в школу.

– Спасибо за заботу. Пожалуй, ты права, надо очно оценить обстановку, проникнуться идеями, которыми люди дышат и живут, произвести, так сказать, обширное полевое исследование, так ли последнее время пропиталось людским упадочничеством, – голос Смысла зазвучал громче, чувствовалось, что идея о путешествии пришла к нему по душе.

– Хорошо, по возвращению пообщаемся, -сказала Смерть и отключилась.

Смысл решил свое трансконтинентальное путешествие начать с Запада на Восток, преодолевая в пути столько миль, сколько потребуется, ведь его не смущали ни расстояния, ни ширина материков, ни глубины океанов, ни причудливая радуга диалектов и языков.

И вот наш путешественник прибыл в год зданий, которые, подобно пальцам робота, тянулись от земли к небу. Распаковав вещи и отужинав в блестящем глянце кафе при гостинице, которое лоснилось чистой и свежестью, а персонал был предупредительные распорядителя на свадьбе, наш герой неторопливой походкой направился в район города, где у него была оговорена встреча с одним влиятельным человеком. Смысл то и дело огибали торопливо идущие прохожие, в своем напряженном ритме передвижения они напоминали вестовых штаба крупного армейского соединения. Взгляд людей был оживленно-деловым, руки и ноги энергичнейшим образом двигались в такт движению. Ни один из спешащих прохожих не обратил на городского гостя никакого внимания, хотя шел он размеренно-чеканной походкой отставного офицера за пятьдесят и его темп явно выбивался из скорости передвижения местных. Улицы города напоминали ущелья, подсвеченные быющим в глаза светом тысяч реклам, вывесок и обычных уличных фонарей. Определенно, застав при жизни нынешнюю картину, Яблочков и Эдисон пришли бы в совершеннейший восторг и долго бы посыпали друг друга поздравлениями.

Смысл прислушался. Улицы города были наполнены миллионами различных звуков, которые в совокупности придавали ему сходство с огромнейшим деловым предприятием, которое день за днем старательно и неутомимо обслуживалось армией преданных сотрудников. Наконец, миновав десятки перекрестков и километры прямых улиц, Смысл добрался до места назначения. Вход в здание был весьма искусно подсвечен светодиодными светильниками, фасад был безукоризненно облицован черным и серым гранитом, который придавал небоскребу вид гиганта, одетого в идеально скроенный костюм. По бокам от вращающихся дверей на стенах располагались 2 мощных прожектора, которые били в небо, образуя лучи света в виде двуручных мечей. Лифт бесшумно вознес Смысл на двухсотый, последний этаж здания. Пройдя по коридору, облицованному панелями из железного дерева, он уперся в массивную дверь, расположенную в небольшой ниши, невидимую со стороны лифтового холла. Едва Смысл коснулся костяшками пальцев полированного дерева, чтобы постучать, дверь бесшумно отворилась.

– Здравствуйте, – в воздухе прошепел милостивый женский голос, – мы ценим Ваш визит в нашу организацию. Мистер М. ожидает вас, пожалуйста, проходите. Смысл решительно шагнул вперед и оказался в просторном помещении, стены которого были облицованы полосами нержавеющей стали и массивом тикового дерева. Пол покрывал черный ковер с вышитым

рисунком белых песочных часов посередине. Вокруг царил мягкий полумрак, лишь красивая настольная лампа в форме снопа колосьев приковывала внимание.

– Присаживайся, сынок, рассказывай, с чем пожаловал, - вместо приветствия сказал подтянутый мужчина в идеально подобранном костюме-двойке, посасывая кончик пахучей кубинской сигары. Этот человек сидел полубоком к Смыслу, повернувшись вполборота в сторону целой стены, заполненной, словно пестрой мозаикой, множеством мониторов. На них, как тонкие переливающиеся многоножки бежали колонки цифр, названия множества компаний и корпораций. Казалось, вся стена за спиной этого человека жила своей отдельной биржевой жизнью, наполненная ежесекундным движением как капиллярная сеть.

Взгляд этого человека отличался цепкостью скрытой видеокамеры, от его глаз веяло удивительной силой, казалось, ему ничего не стоило остановить идущий на полном ходу эсминец с экипажем, только посмотрев на корабль.

– Спасибо, что уделили мне время, сэр, - с учтивостью и почтением школьника младших классов сказал Смысл, – видите ли, я провожу обширные практические исследования и хотел узнать, - продолжал он, - как у вас тут обстоят дела со смыслом?

Цепкий взгляд незнакомца сосредоточился на переносице Смысла.

– Черт возьми, сынок! Что же ты тянул резину все это время и не сказал мне сразу зачем пришел. Ты, как я понял, работаешь на старину Гэллапа. Я даже пересекался с ним, еще будучи моложе тебя. Величину средних значений по любому интересующему тебя критерию тебе расскажут мои аналитики. Эти парни так дотошны, что сам Темплтон их побаивается! И передай им, чтобы они ускорили маркетинговые исследования по капсулам со временем, скажешь, я распорядился передать.

– Капсулы со временем? - удивился Смысл, - а что это?

– Вообще то, это разработка, о которой до поры до времени распространяться не стоит. Но твой нынешний босс, как я слышал, на короткой ноге с нашим мэром, поэтому тебе я в общих чертах расскажу. Мы собираемся заполнить рынок капсулами со сжатым временем. Знаешь, есть такие баллончики с углекислотой, которые подростки заряжают в свои пистолеты. Так это по сути тоже самое, только вместо газа там время. Тебе понадобилось, скажем, месяц, ты такой баллон прикупил и ни в чем себе не отказывай, самодовольно сказал делец

– Вы, я предполагаю, уже забронировали себе пару ангаров с такими баллончиками, - спросил Смысл и прищурился, - Смерть об этом в известность поставили?

– Ты мне эти ретроградные разговоры брось! – блеснув ястребиным взором, сказал мужчина, - мои парни разработали в прошлом году такой набор белковых фракций и комбинаций ДНК, что их лабораторные мыши прожили в пятнадцать раз больше запланированного срока. Этот препарат скоро выйдет на стадию клинические исследований, как раз капсулы времени будут доведены до ума и стартанут в полную мощность, эти два фактора превратят твой вопрос, в парень, в смешную нелепицу. Знаешь, Смерть станет эдаким аналогом барабашки, которым пугают необразованных деток из богом забытых мест.

– А как вы распорядитесь этими капсулами, если, допустим, ваши ученые смогут их довести до практически применимого вида? - с осторожным любопытством спросил Смысл человека в кресле.

– Да ты, как я посмотрю, чудаковатый парень, - мужчина от удивления приподнял брови и саркастически скривил рот, - ты еще скажи, что человек важнее денег. Сынок, когда эти два проекта выстрелят, я стану королем рынка. Я даже стану не то что королем, я этот рынок просто-напросто слеплю под себя так, как моя жена лепит мне дома любимые бараньи котлеты, – он с жаром сделал сжимающие движения обеими ладонями, никто, слышишь, никто не сможет влезть в этот рынок, мои капиталы вырастут в геометрической прогрессии. Конечно, рынок хапуг-пластических хирургов и тому подобных шарлатанов станет как шагреневая кожа, ну а мне то что до этого! Пойдут вырезать поделки из сосны своими ножиками, - на последней

фразе он громко хмыкнул и выразительно посмотрел на Смысл, который, скрестив ноги, молча сидел напротив.

– И вообще, парень, за время болтовни с тобой, мой кошелек стал легче на пару миллионеров. Я так с тобой по миру пойду. Короче, спускайся в отдел исследований и пудри им мозги своими вопросами. Удачи! – сказал повелитель котировок и резким рывком развернул массивное кожаное кресло в сторону стены, увешанной мониторами и графиками.

Траектория поисков Смысла пролегла через многие страны, была причудливой и многие орнитологи удивились бы ей.

– Бригадный генерал Хафез Нахтигаль, – протянул раскрытую ладонь Смыслу высокий мужчина с черной как полночь бородой.

– Репортер газеты «El Senso» –, сказал Смысл, ответив на рукопожатие.

Спустя несколько часов тряского, непрерывного пути на армейском джипе, он наконец оказался в расположении подразделений генерала Нахтигала. Его части стояли на самом остром выступе фронта, глубоко вклинившегося, судя по нечасто обновляемым штабным картам, в атакующие армии противника. Главный нюанс ситуации придавал факт, что подразделения генерала являли собой бледную тень их боевой мощи годичной давности. Покусанные и потрепанные беспощадными рейдами врага, его контратаками, смертельным зноем пустыни и разъедающим боеспособность страхом, его отряды являли собой скорее иррегулярные формирования городских банд, нежели некогда монолитного боевого подразделения, которое контролировало в лучшие времена до пятисот километров линии фронта. С учетом постоянных глубоких рейдов противника во фланги генерала, он и его воинство находилось в более чем уязвимом положении. По сути, один непрерывный огневой налет в сочетании с авиа поддержкой мог навсегда прервать пуповину, по которой генерал и его люди получали снабжение живой силой, продовольствием и боеприпасами.

Генерал вместе со своим гостем находился в глубоком многоскатном дзоте, искусно замаскированном на местности с помощью низкорослых сосенок и какой то местной колючей растительности, названия которой Смысл не знал.

В центре помещения, освещенного мощными настенными лампами, располагался стол, на котором была расстелена безразмерная армейская карта, вся словно покрытая татуировками, с бесконечными флажками, стрелками, штрихами и прочими элементами штабных премудростей. В углу блиндажа стояли два ящика из-под боеприпасов, накрытых брезентом, на котором плотными рядами стояли десятки шуршащих на все голоса раций, напоминающих о невидимых, но деятельных в своих подразделениях подчиненных генерала. На дальней от Смысла стене с помощью растяжек было распростерто полотнище золотистого цвета, на котором витиеватой вязью были начертаны неведомые Смыслу слова, под надписью располагалась горизонтально расположенная сабля.

Над картой склонились несколько деятельных мужчин в гражданской одежде и что то оживленно обсуждали на своем малопонятном языке, одновременно ожесточенно тыкая в разные участки карты остро заточенными карандашами, словно пытаясь попасть в воображаемое насекомое. Смысл присел на складной стул, обшитый брезентом, и, пользуясь затишьем, стал рассматривать генерала. Это был ладно скроенный человек под два метра ростом, затянутый в идеально подогнанную черную форму. Его грудь и спину пересекали ремни наплечной кобуры, из которой с равнодушием циклопа выглядывал ствол Глок 17. Пояс генерала охватывал широченный с массивной рыжей пряжкой ремень, на которой невероятно к месту смотрелась бы пиратская сабля. На ногах генерала были одеты широкие черные штаны, наподобие небезызвестных шаровар, тщательно заправленные в высокие сапоги без каблуков из мягкой телячьей кожи. Его лицо, словно вошедшее в этот мир со страниц сказок про сокровища Али

Бабы, украшала окладистая, аккуратно подстриженная борода. На голове был ловко повязан шейный платок, который наши современники метко прозвали арафаткой.

В обеих руках у него виднелись две рации, имевшие, по сравнению с ладонями генерала, совершенно игрушечные размеры. Рации тоже постоянно шипели и шуршали на все лады, транслируя в помещении важную информацию с мест. За генералом как тень бесшумно следовал сухопарый парень в выцветшей пехотной форме без знаков отличия, за его спиной возвышалась массивная радиостанция в корпусе грязно зеленого цвета, на ушах красовались черные наушники размером с блюдце, горло охватывала тонкая полоска ларингофона. Из рации вверх, как стебель бамбука, торчала антенна с маленьким алюминиевым трилистником на самой верхушке. Трилистник часто чиркал о потолок укрытия, повторяя каждое движение радиста и словно распространяя в пространстве деловитое беспокойство, как маленькая неугомонная птичка.

Внезапно рации на соседнем столике резко оживились, если раньше речь из них была похожа на ручей, сейчас словно пошел ливень. Генерал выпрямился как стальная пружина и процедил сквозь зубы, -опять!, -и, поднеся одну из раций к губам, молниеносно скрылся в ближайшем окопе полного профиля.

Смысл вприпрыжку пытался следовать за командиром оборонявшихся. Маленькие, липнущие к земле коробочки танков неумолимо приближались к замершем в ожидании шквала огня укрепрайону.

– Али, зови истребителей, нам самим не справиться с этой ордой, – рявкнул генерал. Сухощавый Али вскинул руку к виску и молниеносно исчез. Показались полусогнутые фигуры операторов противотанковых комплексов, несущие на своих спинах треноги, похожие на больших зеленых кузнечиков. Ближайший к Смыслу молодой юноша прильнул к окуляру, спустя мгновение со станка шипя и вращаясь сошла ракета и, как маленький яростный дракон на привязи, устремила к танкам неприятеля. За ней, мгновенно раскручиваясь в воздухе, летела едва заметная стальная проволока, дополняя сходство боеприпаса со сказочным персонажем. Наводчик с точностью заправского токаря вращал маховики наведения, ориентируя ракету в ее последнем полете. Тандемный боеприпас превратил в атомы пластины динамической защиты, кумулятивная струя ужалила ближайший к стрелку танк в лобовую броню и прошила расположение командира. Тяжело бронированная машина, словно смертельно раненый носорог, дернулся из последних сил и замер, ствол орудия поник к земле и испустил облачко синеватого дыма. Спустя несколько мгновений, из башни, как из раскаленной доменной печи, вырвался яростный факел ослепительного оранжево-желтого пламени, унося души экипажа ввысь, к безоблачному, сияющему торжественной синевой небу. После обоюдного обмена ударами, лихорадка боя стала стихать, стороны взяли паузу для пополнения запасов и придания убитых земле.

Генерал подошел к Смыслу, -уважаемый, я думаю, Вам пора отправляться в путь. По моим данным, увы, следующая атака нашего противника закончится плачевно для всех ныне присутствующих здесь. Моя разведка доложила о прибытии в расположение наступающих на нас частей нескольких дивизионов установок залпового огня. Мне нечем отвечать им, -последние слова дались генералу особенно тяжело. Его лицо словно окаменело, по лбу обильно стекали ручейки пота, глубоко запавшие глаза с беспощадностью гаубицы смотрели в упор на Смысл, -я немедленно приказываю вам покинуть наш опорный пункт, иначе ваши останки не смогут найти даже криминалисты. Карандаш, которым генерал жестикулировал в воздухе синхронно с разговором, треснул как сухая ветка. В блиндаже наступило недолгое молчание, нарушаемое лишь глухими отзвуками рвущихся неподалеку снарядов. Песок сочился едва заметной струйкой между бревен укрытия, придавая происходящему сюрреалистический оттенок.

– Как скажете, генерал, -сказал Смысл, -вы здесь командир. Ваши шансы совсем ничтожны и сопротивление не изменит ход грядущего сражения?

– Единственное, что тут изменится через 20 минут-рельеф местности и панорама этой унылой пустыни дополнится рваными кусками стали и опаленной человечины. Убирайся отсюда! -заорал генерал, с грацией танцора развернувшись к замершему за спиной радисту и гаркнул, -передай комбату-связь со мной дублировать проводом. Дальше-пусть выкатывает все свои орудия на прямую наводку и, увидев идущие на дистанции выстрела коробочки, бьет беглым огнем до последнего снаряда. Начать огонь бронебойными, осколочные оставь, будем ими работать по атакующей пехоте. Пусть гранатометчики будут готовы сразу открыть огонь а не телится, копошась на брустверах, как в прошлую атаку. Командирам подразделений доложить о готовности и усилить посты наблюдения за местностью! О потерях докладывать ежеминутно!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.